

О.В. КРАСНОЯРОВА
кандидат искусствоведения, доцент

МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Сегодня не только в коммуникативистике, но и в философии, культурологии, социологии, психологии активно используется понятие медиареальности (медийной реальности, медиативированной реальности, реальности масс-медиа), и в большинстве случаев подразумевается под ним некая реальность, отражаемая и выражаемая СМК. В толковом словаре по коммуникативистике Л.М. Земляновой зафиксирован термин «медиативированная реальность» (*mediated reality*), под которым понимаются «образы реальности, возникающие под влиянием СМИ и в первую очередь — телевидения»¹. Там же отмечается, что медиативированная реальность может быть уже или шире жизненного опыта людей, но всегда отличается от него набором собственных медиативированных значений, т.е. событий и фактов, которые формируются посредством кодов и алгоритмов информационных языков, характерных для тех или иных медиажанров.

В данном определении важную роль играет характеристика того, что суть этой реальности — медийные образы действительности. Данное положение обозначает, с одной стороны, некое наличное различие, нетождественность этих образов, скажем так, константной реальности, а с другой — их корреляцию с ней, подобно тому, как когда-то были обозначены взаимоотношения художественной реальности и реальности существующего мира. Но если художественная реальность как реальность, моделирующая мир, изначально рассматривалась в системе координат духовной культуры, эстетической ценности и без оговорок принималась как таковая, то феномен медиареальности рассматривается в большой степени как фактор «омассовления» индивида, фрагментации его сознания, а также стандартизации и искажения реальности.

В рамках уже первых научных исследований феномена медиавоздействия и роли СМИ в жизни современного общества возник вопрос об искажении реальности в мире медиумов, и

далее суть этого вопроса была сведена к следующему проблемному положению: медиареальность отражает реальность (представляет, повторяет наличное) или конструирует (создает свой особенный мир)? Надо сказать, что еще Уолтер Липпманн в книге «Общественное мнение» (1922) констатировал, что новости, переданные СМИ, не отражают события во всей их полноте, а главным образом сигнализируют о самом факте этих событий. А кроме того, Липпманн первым отметил, что новостийные медийные сообщения конструируют особый мир, который может быть отличным от действительности. Со временем вопрос «отражает или конструирует» трансформировался в постмодернистское утверждение феномена вытеснения медийной новостью события, совершившегося на практике, а значит, и в обоснование феномена конструирования средствами массовой коммуникации некой специфической реальности, причем замещающей константную реальность.

Теоретическую предпосылку положения о конструировании медийной реальности дали в свое время Вальтер Беньямин в книге «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1936) и Герберт Маршалл Маклюэн в труде «Галактика Гутенберга» (1962). Как писал Жан Бодрийяр, «Беньямин первым (а вслед за ним Маклюэн) стал понимать технику не как “производительную силу”... а как медиум, то есть форму и порождающий принцип всего нового поколения смыслов»². Именно воспроизводство обуславливает то, что, как выражался Бодрийяр, «симулякры берут верх над историей» (симулякры — «симулятивные модели»), поскольку воспроизводство, репродукция «уничтожает» реальность.

В «Галактике Гутенберга» Маклюэна прозвучал знаменитый тезис: медиум (средство информации) есть сообщение, или, иначе, содержание сообщения определяется самим коммуникационным средством. Этот тезис обратил внимание исследователей на то, что

коммуникационное средство активно преобразовывает реальность, так как событие, освещаемое СМИ, становится новостью не само по себе, а в связи с переданными о нем сообщениями, характер которых и взаимодействие их с публикой целиком определяются коммуникационным средством, опосредующим, воспроизводящим это событие. По Маклюэну, восприятие человеком окружающего мира радикально меняется при переходе сначала к печатной культуре, а затем к электронным средствам передачи информации. Ученый рассматривал коммуникационное средство в ракурсе того, как оно опосредует, воспроизводит мир в восприятии индивида, т.е. говорил и о том, какие изменения происходят в индивиде, смотрящем на мир посредством СМИ, и о том, как меняется мир в глазах этого индивида. И данное положение в определенной мере стало теоретическим основанием для дальнейших научных поисков.

Именно на работы Маклюэна опирается ведущий представитель философии постмодернизма Жан Бодрийяр в своей книге «Символический обмен или смерть» (1976). Надо сказать, постмодернизм во многом развивался и развивается в ракурсе критики современного общества как общества потребления. Под критический прицел постмодернистов, соответственно, попадают коммуникационные процессы. Сделаем одно замечание: постмодернисты практически не используют как таковое понятие «медиа-реальность», однако оно подразумевается как обобщающее, когда речь идет о мире медиумов (именно это понятие чаще всего используют постмодернисты), т.е. сообщений СМИ и в целом коммуникациях — кино, рекламе, индустрии культуры с ее шоу-бизнесом и т.д. Без мира этих коммуникационных процессов современное общество с его массовым информационным потреблением постмодернистами не мыслится.

Общество потребления характеризуется Жаном Бодрийяром как общество, в котором люди лишились естественных потребностей, и вещи им нужны не для выживания, а для статуса, смысла. То есть люди не потребляют объект в его потребительской ценности, а совершают манипуляцию объектами как знаками, которые отличают их от других или присоединяют к группе определенного

статуса³. Иными словами, важна не вещь в своей функциональности, а ее статусная ценность, поскольку она вписывает индивида, потребляющего эту вещь, в иерархические рамки общества, наделяя его определенным статусом. Соответственно, если говорить о коммуникациях современного общества, то здесь также очевидна манипуляция медийными сообщениями как знаками, смысл которых не в передаче факта свершившегося события, а в той форме, в которой оно транслируется СМК. При этом данная форма обуславливает интерпретацию события, т.е. порождает его смысл, суть которого в подтверждении иерархических ценностей общества. Важно подчеркнуть, что ключевое понятие «образы действительности» (см. определение Л.М. Земляновой) коррелирует с действительностью как таковой и говорит о том, что СМК пытаются представить реальность в ее сущности, а понятие «знаки действительности», которое используют постмодернисты, смещает акценты в иную плоскость.

Дело в том, что постмодернисты отошли от трактовки знака с точки зрения его лингвистической природы. Если в традиционной семиотической трактовке знак всегда соотносится с конкретным денотатом, то в постмодернистской перспективе знак может иметь бесконечное множество значений, культурных интерпретаций, но не может иметь, по выражению Бодрийяра, «идентичности». Эта открытость, нефиксированность, нерференциальность знака, совершающего «убийство» вещи, которую он замещает (Ж. Деррида), несомненно, согласуется с концепцией медиа-реальности как замещающей реальность.

Если исходить из того, что медиа-реальность оперирует не образами, а именно знаками действительности, т.е. опирается на принцип выбора и презентации только того, что соответствует и принадлежит доминирующим образцам, моделям поведения, принятым в данном обществе, т.е. смыкается с системой определяющих ценностей этого общества, то, безусловно, такая медиа-реальность уничтожает событие в его объективной практической ипостаси и представляет его как конструкт, выражающий политические, культурные или иные дискурсы.

Бодрийяр писал, что каждое медийное сообщение становится тестом, активизиру-

ющим в индивиде механизм ответа, который должен соответствовать господствующей идеологии общества потребления. Информация масс-медиа, по мысли философа, не имеет ничего общего с «реальностью» фактов, так как является результатом отбора, монтажа, съемки, и в результате такого отбора эта информация сама уже «протестировала» реальность, задавая ей лишь те вопросы, которые соответствуют определенным образцам и вычлениют тот круг тем, который является преимущественным.

Иными словами, суть в том, что медийные сообщения должны не информировать, а тестировать и обследовать и в конечном итоге, как отмечает Бодрийяр, контролировать. Здесь очевиден взгляд на медиареальность как на манипулятивный механизм. СМИ предлагают индивиду серию событий, отобранных по «сериальному» принципу, такие серии работают на основе повтора и вариации переменных, выражающих какие-то идеи, смысловые пункты, факторы, значимые для общества и внедряемые в массовое сознание. Эти серии предлагают модели выбора и решения, но сами они в силу своей «сериальности» и бесконечного повтора уже изначально заданы в определенных параметрах, исключающих свободный выбор. Таким образом, манипуляция зиждется на иллюзии у индивида самостоятельности индивидуального выбора, который на самом деле лишен свободы и индивидуальности.

Знаковая медиареальность отодвинула, заменила реальность жизненного опыта. Для человека, живущего в потоке знаков-событий, представленных массовыми коммуникациями, события являются свершившимися и реальными в том случае, если они транслированы или, другими словами, опосредованы масс-медиа, а иначе они остаются не включенными в картину мира этого человека, т.е. просто не существующими для него. Иначе говоря, становится реальным, действительным только то, что коммуникации делают доступным для восприятия, приближают к нему. И эта опосредованная СМК реальность вытесняет реальность, не опосредованную СМК. Особенно очевидным данное положение стало для постмодернистов, когда возникла возможность представления события СМК в режиме реального времени,

что усилило эффект присутствия и «подлинности» представляемого события.

Надо отметить, что истоки постмодернистского понимания медиареальности как реальности, приобретающей для индивида своего рода первичное значение в его восприятии и понимании мира, тогда как собственный жизненный опыт вытесняется этой опосредованной медийной реальностью, конечно, обнаруживаются в постструктурализме, который видел в современном обществе прежде всего борьбу за «власть интерпретации» различных идеологических систем.

Замещающая медиареальность трактуется как *псевдореальность*, искажающая и отчуждающая. Индивид вступил, как пишет Бодрийяр, в мир «псевдособытия, псевдоистории, псевдокультуры», вытеснивший реальное событие, историю, культуру. Но если эта замещающая медиареальность — псевдореальность, то может возникнуть риторический вопрос об отражении СМИ некой подлинной реальности. И, так или иначе, в критике СМИ такой вопрос косвенно звучит. Однако постмодернисты сняли этот вопрос, подвергнув радикальной критике классическую референциальную концепцию знака. Знаковая реальность является для постмодернистов единственной реальностью. Постмодернизм таким образом отрицает теорию отражения.

Бодрийяр пишет: «Само определение реальности гласит: это то, что можно эквивалентно воспроизвести. Такое определение возникло одновременно с наукой, постулирующей, что любой процесс можно точно воспроизвести в заданных условиях, и с промышленной рациональностью, постулирующей универсальную систему эквивалентностей... В итоге этого воспроизводительного процесса оказывается, что реальность — не просто то, что можно воспроизвести, а то, что всегда уже воспроизведено. Гиперреальность».

Итак, значит, конец реальности и конец искусства в силу их полного взаимопоглощения? Нет: гиперреализм есть высшая форма искусства и реальности в силу обмена, происходящего между ними на уровне симулякра, — обмена привилегиями и предрассудками, на которых зиждется каждое из них. Гиперреальность лишь постольку оставляет позади репрезентацию... поскольку она всецело заключается в симуляции»⁴.

Философ отмечает, что вся бытовая, политическая, социальная, историческая, экономическая и подобная реальность изначально включает в себя симулятивный аспект гиперреальности, реальность сделалась игрой в реальность. Сегодня сама реальность гиперреалистична. Бодрийяр ссылается на то, что уже сюрреализм демонстрировал нам, что самая банальная реальность может стать сверхреальной («реальность превосходит вымысел!»). Итак, кодированная реальность является реальностью. В этой реальности «события, история, культура представляют понятия, которые выработаны не на основе противоречивого реального опыта, а производятся как артефакты на основе элементов кода и технической манипуляции медиума»⁵, все в этой реальности строится на процессе симуляции — модель конструируют, комбинируя разные черты или элементы реальности, и эта модель «разыгрывает» событие, ситуацию реальности. Как пишет Бодрийяр, в массовых коммуникациях подобная процедура получает силу реальности: последняя уничтожена, рассеяна в пользу этой неореальности модели, материализованной самим медиумом»⁶.

И все-таки утверждая, что такая реальность, основанная на процессе симуляции, «вытесняет реальность», постмодернисты, и в частности Бодрийяр, возвращаются к онтологической проблеме первичной реальности. Вопрос остается открытым. С такой точки зрения нам кажется интересной современная общая системная теория Никласа Лумана, и прежде всего его книга «Реальность массмедиа» (1996). Этот ученый также отказывается от теории отражения реальности, но не рассматривает реальность масс-медиа через критерии подлинности, а потому не оперирует понятиями псевдореальности, неореальности. Он не предполагает реальности, которая существует сама по себе и которую правильно или неправильно отражают СМИ, поскольку мир нельзя описать таким, каков он есть «на самом деле», ведь любой наблюдатель, описывающий этот мир, не может находиться вне его. Луман говорит о реальности масс-медиа в двояком смысле: первый — «реальная реальность» масс-медиа, которая «состоит в их собственных операциях», т.е. непосредственно практика средств массовой информации, процессы коммуникации; второй смысл ре-

альности масс-медиа — «наблюдаемая реальность», т.е. то, что конструируется СМИ в качестве реальности. В таком понимании «деятельность массмедиа рассматривается не просто как последовательность операций, но как последовательность наблюдений или, точнее, как последовательность наблюдающих операций»⁷.

Для системной теории Лумана важна разница между наблюдаемым и ненаблюдаемым, выражаемая посредством противопоставления системы и окружающего мира. Ученый выдвигает гипотезу, по которой масс-медиа являются одной из функциональных систем современного общества, выполняющей задачу самонаблюдения общества. Поэтому масс-медиа, вопреки предопределенности своих операций параметрами системы, тем не менее «раздражаемы» обществом и коммуникационно взаимосвязаны с ним посредством тем, репрезентирующих инореференцию коммуникации (например, тема СПИДа или террора). То есть, по мысли Никласа Лумана, на основе тематики, курсирующей в СМИ, общество продолжает развиваться.

Таким образом, вопрос: «Какую реальность конструируют СМИ?», который задавали до Лумана многие исследователи, не имеет для него главенствующего значения. Самые важные вопросы, по его мнению, звучат так: «Какое общество формируется, если оно длительное время и непрерывно информирует себя о самом себе через масс-медиа?», «Что представляет собой общество, которое именно так описывает себя и свой мир?»

Никлас Луман понимает мир не как отражаемый СМИ объект, а с позиции феноменологии, как открытый горизонт, поэтому у масс-медиа нет иной возможности, как конструировать реальность.

Примечания

¹ Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: толковый слов. терминов и концепций. М., 1999. С. 125.

² Бодрийяр Ж. Символический обмен или смерть. М., 2000. С. 123.

³ Бодрийяр Ж. Общество потребления: Его мифы и структуры. М., 2006.

⁴ Бодрийяр Ж. Символический обмен или смерть.

⁵ Бодрийяр Ж. Общество потребления: Его мифы и структуры. С. 164.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 13.